

Наталия Черных

Новые оды и элегии

Москва
«Воймега»
2021

УДК 821.161.1-1 Черных
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Ч-49

Н. Черных

Ч-49 Новые оды и элегии / Наталия Черных. – М.: Воймега,
2021. – 52 с.

ISBN 978-5-6044597-4-4

ISBN 978-5-6044597-4-4

© Н. Черных, текст; 2021
© «Воймега»; 2021

О книге Наталии Черных

Если бы русская поэзия в наши дни делилась на группы, как это было в Серебряном веке, Наталия Черных попала бы в категорию «поэты вне групп». Тогда, возможно, критики лорнировали бы её с бóльшим вниманием: какая внутренняя сила, какая особенная идея поддерживает её одинокое существование? Но в наше время большинство поэтов — одиночки, и Черных в этом смысле одна из многих. Вроде бы она всем известна, давно публикуется, но всё равно её поэзия остаётся недорассмотренной. Об этом говорил ещё Сергей Завьялов в предисловии к её предыдущей книге, «Похвала бессоннице». Спустя десятилетие ничего не изменилось.

Нынешняя книга — знак протеста, начиная с названия. Сказала же как отрезала женщина-классик: «Мне ни к чему одические рати и прелесть элегических затей». Но то, что выбросила Анна Ахматова, Наталия Черных сделала главою угла. Так поступает консервативный революционер.

Это относительно редкая вещь — не «сборник стихов» как итог творческого периода, а единое поэтическое высказывание. «Форель разбивает лёд» Михаила Кузмина — первая аналогия, которая приходит в голову, тем более что кузминская форель ударяет двенадцать раз, а здесь дважды по столько — двенадцать элегий и двенадцать од.

Не удары, а пары «вдох-выдох». Ода — восходящая интонация, элегия — нисходящая. К тому же здесь, как и в «Форе́ли», чётко звучат мотивы годового цикла.

С формальной точки зрения эта книга внепопулярна популярному спору между силлаботониками и верлибристами. Её свободный стих претендует не на новаторство, а на наследование древним корням. Гомер и Сапфо, Песнь песней и даже суры Корана. Но я хотел бы выделить приём, наиболее характерный для автора, — длинные строки или целые строфы, монтируемые с помощью тире из полустрочий и четвертьстрочий. Помимо прочего, такое непривычное квантование текста создаёт эффект многоголосия, когда каждый следующий квант текста воспринимается как произносимый немного другим, а порой и совсем другим субъектом. Впрочем, изменчивость, внешняя обманчивость мира и человека — лейтмотив книги.

Автор не заставляет нас думать, «о чём эти стихи». Книга начинается со слов «поговорим о любви». Это ода «Эрос», которую можно было бы назвать не стихотворением, а маленьким ритмически организованным эссе, к тому же имеющим вид диалога.

Любовь — естественная тема женской лирики, но здесь перед нами не просто стихи, про которые понятно, что они написаны женщиной. Это женский манифест. Здесь описывается космос, в котором витрувианский человек — женщина.

Всё вращается вокруг женщины, и на неё же «наставлен сумрак ночи».

Эта книга актуальна. Как раз тогда, когда «женский вопрос» стал самым жарким вопросом в нашей поэзии, Наталия Черных предлагает собственный вариант женского письма, отличный и от традиционной «отношенческой» лирики, служащей стихотворным дополнением к популярным журналам о психологии, и от воинствующей «фемоптики» с её идеей гендерного реванша.

Впрочем, «цель женщины в этой земле партиногенез, и он будет достигнут» — очень радикальное высказывание, которое может быть понято в феминистском духе. Однако, в отличие от типичных фемтекстов, «Новые оды и элегии», во-первых, никак не опираются на общественность, не взывают к сестринской солидарности, да и не выражают претензий к мужчинам как классу, а во-вторых, не разбавлены внепоэтическим, идеологизированным «дискурсом». Это чистый праксис поэзии.

В книге есть не только богатство оттенков голоса, но и изобилие вещей. Здесь рушатся небоскрёбы, тонут баржи с беженцами, сияют метagalактики. Здесь зреют яблоки, ходят троллейбусы, деньги капают на карту. Телесность здесь пышно цветёт: мясо, жилы, кости, слизь. И здесь идёт постоянный спор с материальным миром, преодоление его иллюзий, личин, оболочек. Секс, брак, материнство — во всём этом есть своя правда, своя необходимость и своя

нежность, но героиню влечёт Эрос, который «не любит землю».

Я бы хотел, чтобы эта книжка была прочитана и оценена именно как особое высказывание, отдельное от всего остального стихотворного потока и вместе с тем необходимым образом его дополняющее. Наша поэзия без Наталии Черных страдала бы явной неполнотой.

Игорь Караулов

Первая ода

Эрос

– Поговорим о любви. Расскажи, наблюдатель, как трепещут чешуйки твои при слове *любовь*; и смотреть на лицо, будто на нём покрывало и надо немедленно снять. Переживаешь сильнее, чем то лицо, за которым ты наблюдаешь. То всего лишь лицо. Ты сказал, а оно, отражая слова, пошло вовсе не так, как ты думал. Оно перекошилось. Ищи же оргазм по пустым перекошенным лицам.

– Но когда, столбенея от напряжения, держишь всю в мире посуду, она может в секунду разбиться, тогда рухнет весь мир; когда громоздишь Оссу потёртых стульев на Пелион потёртых столов, закрывая руками потолок вселенной, от недосыпа идут все признаки отравления, когда и кишечник, и мочевой пузырь, лопнув, превращаются в капли цветной слизи, когда ноги уже далеко; ноги бегут, стопа на стопу –

– Вот тогда начинается эрос.

– Эрос коварен. Он хочет коснуться всего, а держать не намерен, и тому поучись, говорю общему своему чувствилищу, учись у него. Будь изменчиво. Будь недоступно. Будь неопределённо и вечно растерзано. Так должно быть. Иначе любовь не придёт.

– Не слушай человеческих сказок о материнстве. Эрос даёт его полноту, поучись у него. Пусть тебя трахает всё, что движется и лежит, а ты имей всё, что лежит и движется. Готовься к боли и радости вместе. После родов ты начнёшь понимать эту землестую диалектику.

– Эрос не любит землю, эрос небесен. В нём боли нет, в нём есть влечение. Но до прихода эроса – отекай плодоношением и ори в родах, так должно быть.

– Оргазм девственницы короток, кроток и приторен. Горько-солёная бабская участь трясёт заработанным на чёрный день, она ненасытна. Будь кислотой и опиумом. Это эрос и есть. Пусть пощёчины смеха и недоумения скрасят твоё ожидание.

Первая элегия

Дом

здесь летом тень прохладная — нестиранная тень — обвисшая
гардина — зимой таится погреб —

— склеп что ли — спать и спать — как труп — спать — ведь
трупы спят спокойно и легко —

— как все — и никогда — не спят живые — покрепче дозы —
жёлтеньких и беленьких колёс —

— и мальчик во хмелю — про девочку

— стихов любимых —

— вглупь — не говорит —

— читатели — и мальчика — и девочку — жалеют — любят —

— читатели внежизни сетевой — а мальчика-то нет — а девочку
ка собой дурна — и почиет на лаврах —

— что вспомнились они — их в склепе этом нет — а летом тень
листвы — зимой тень белоснега — весной здесь тучи — осенью
светло — и облака —

— гляжу из склепа снизу — то высокий склеп — красивый ста-
рый склеп — так холодно вокруг — и в нём —

— а улицу дождь идёт — а улицу — дождь —

— он ласково и страстно — обладает — асфальтом — плиткой —
стенами — листвой — глазами дома — окнами — он смотрит —
июньский дождь —

— я не смотрю вокруг —

— радости такой не знал седой мужчина — которому — по жен-
щине — вмастили напоследок — и после — ноги резво отнялись —
— что за печаль!

— и девочка на мальчике — не дремлет — здесь нет его гитары
и стихов — и нет её — небритых суковатых ног — а есть течение

– людей
– ветвей
– и судеб
– течение идёт как в слив – и всё – что в мире есть – сидит
женой – вдовой – внезапно поседевшей – с подолом отпертым –
в безумии разрухи –
– все брюки отняты – как счастье – у неё – и только голоса –
– мальчишек и девчонок – это эхо – и мужичонки голосок
в слезах – стихают к ночи –
– тогда тревога – всё чистит – тряпкой – для оконных глаз –
– а склеп приобретает первозданность –
– ещё нескоро –
– здесь строить – шить – готовить – и так далее –
– рожать – писать стихи – одежду покупать – процесс по-
купки платья ненавидеть – искать винтаж – и новое искать –
едино всё –
– под отпертым подолом – прошли в ночи – соседи-тараканы –
– и помня сон – встречаю их наутро – привет соседи!
– звери – люди – липы – тополя – привет рождение – здесь
сон уже не властен – и глупость не испортит аппетит –

Вторая ода

Собаки после полудня

А где-то бежали собаки, и лай был почти музыкальным.
Я вслушивалась в лай.
Я и не я, кто я. Но дело всё было в собаках,
которых прослушать,
Как слушают юных вокалистов (нарочно сбиваешься с ритма).
Привычка всех вокруг задирать (да и не очень красивый
твой голос).
Только эта вот мелкая точка, что мыла окно, и слушала их.
Окно продолжалось и выводило туда, где ни окна,
ни двери уже не нужны.
Точка смогла их прослушать и отобразить этот лай.
В нём было то, перед чем подбирается время,
как подбирают живот.
В нём было то, где время в тени, а есть чёткие ясные вещи.
Я мою окно в месяце августе, на улице нет ни души,
Не видно двора из-за куп. Купы склонялись,
зелёные пышные купы.
И кущи висели. Там кущи висели в окно, а здесь распахнулись.
Яблони, липы и тополя. И далёкий лай псов,
Не тревожный, не грозный — космический лай
В преддверии сна;
Перехода по разным жилищам в деревенскую глушь
внутри города.
Менталитет городской ближе мне, он холерично беззлобен.
Оглянулась сомнамбулой.
— Там нет ничего, — заорали басы, — только здесь
покупаются вещи.

– Нужно писать о судьбе и земле! – заорало контральто.
Но шли звёздные псы чуть позже полудня. И кущи висели,
я видела: кущи висели.
Это видела точка, что моет окно. И до мелочи нот
слушала певчих собак.

Вторая элегия

Страсть и влюблённость

там возникает кровь
скользящим тельцем
он остановился
возникло первое тельце крови
где вновь цветёт
махровый крови цвет
где вновь
любовь и кровь
соцветие взлетело и раскрылось
дождём прозрачным
вдруг небо ли нутром
без запаха и цвета
спасеньем
соцветие укрыло
из одних лишь ран

слова о травмах не люблю
не верю боли
мне досыта её
но как вы согласились говорить
как ты посмел
стерпеть меня
как вы могли
как ты посмел стерпеть
меня
всю эту жизнь

когда дыхание моё давило на тебя
когда пила тебя
как кровь в пустыне пьют
как кровь оленя пьют во льдах

рассыпались слова
да ваша худоба
твоя
да локоть смотрит
и в тени глаза
почти что без зрачков
одни глаза

шла по запястью кисть
застёгивал манжету
в глазах темно обоих
так в солнечном затмении видишь солнце
до-солнечный агат
и не смотреть бы вновь
таким лицо не может быть
наружу всё
а жест закончился
вся жизнь легла на место

Третья ода

Пятидесятилетию

– безголосая девочка-белка – отрицает давление возраста – она слушает рок – что мне делать с ней – в диалоге до самозабвения – силы развеять

– сил очень много – их почти нет – диалектика убивает начатки поэзии – но – цитата – и фраза кончалась – дерзкое *но* – вот оно – и она снова слушает рок – и я тоже –

– пересиди болезнь – перегуляй её – губы покрась – потому что тебе всё равно уже – какого цвета твой рот –

– хочется рук – именно – тонких – его – предплечий – запястий – но чрево окостенело – спящей красавицей – и немотой возражает – вдруг из него льётся смех – романтический смех – а она снова слушает рок –

– застенчива – даже юна – как собачка из поговорки – тяжеловатый несёт силуэт – да необходимые парестезии – обозначают место расположения возраста –

– на грядущий зенит – смотрят глаза – не скрываясь – лишь один поворот – в те нелепые – счастливые подлинно – без осадка и горечи – десять минут – она помнит на ощупь – силуэт потому драматичен –

– жизнь всегда велика – приобретается детям на вырост – считая прожитое – осознаёшь – что больше не нужно – ни дня – и желания возникают факультативно –

– сердце пока ещё не поглотила земля – память не прилепилась к воздуху – а воды уже отошли – и она снова слушает рок –

Третья элегия

Уничтожение

скажешь: могу — и придётся вывозить тонны — свыше того — что в договоре — а я могу — описать — новое массовое уничтожение — хотя его и не видела — а только — оно было страшнее! — оно было — и боль в позвоночнике — вот сейчас — уничтожение идёт —

— а не сразу верь слову боль —

— они плыли — с тонкими — тёмного золота — лицами — и глазами кроткого стада — ведомого на закляние — с крупными агатовыми шарами мужчин — частые изумруды женских глаз — вспыхивали — фатима прикрывала волосы — чадра скрывала зубы — от недостатка влаги кривые —

— они гадили в углах парама — в воду гадить они не хотели — даже в солёную — ибо вода это жизнь — паромщики греки ругали их — так же их женщин — на каблуках — босиком — колеблемых ветром от голода — жажды — усталости — но и дети их не ссали в море —

— что тебе праздный — Сирия — Ливия — Ближний Восток — а мне было шесть — у нас был телевизор — ливанцы — все были красивы —

— и толпились они на пароме — негде было женщинам сесть — сидели мужчины — те — старшие — дети орали или же спали — все плыли в Грецию — на острова — только солнце сжигает — и море пить не даёт —

— греки-паромщики страшно ругались — крестами звеня — но везли — и потом ныли — как потом — трудно будет отмыть паром — от этого мирового дерьма —

— турки и итальянцы — везли беженцев — сотнями — из страха — но мало кто — увидел — обетованный берег — перевозчик

брал деньги — а жертва потом исчезала — но как и куда — порой перевозчик и сам — искал — и не находил — стартовала панъевропейская паника —

— а когда бегство развернулось — как шторм — и накрыло всех — и пошло — и пошло на лицо островов — с белыми зданиями — с новой сантехникой — с жалюзи и кондишн — с высокой арендной платой — с предательски красным крестом — когда эта стихия нагнула весь юг —

— тогда — греки — турки и итальянцы — стали топить — лодки — паромы — прочее — в море — чтобы такого количества черных — не видела Римская область — от моря до моря — не видела больше — и это было затмение —

— они шли — с глазами овец и баранов — под воду — дети спали или же плакали — крики море глушило — и не могло заглушить —

— и никто не расскажет — сколько сотен тысяч людей — не дошло до берега — а потом — сколько погибло в болезни — без помощи — на островах —

— и потому — как жара перевалит за двадцать — когда ночью в Москве — плюс двадцать один — брожу я по старенькой съёмной — сомнамбула — и ни пить — и ни есть — ни молиться — не просит душа —

— только тяжесть в затылке и крики — и — знаете — вопли — и горы крестов — на песке — на костях — а вопли то тише — то громче — и несть им числа — и задрожали — римские стены —

Четвёртая ода

Катящийся камень

Она сочиняла с надрывом,
Думали все:
Рок-н-ролл или панк-рэп.
Но это была лишь прелюдия к настоящему року.
Люди там тоже были, в её сочинениях. Всё о женском.
О самом болезненном,

С указанием масштаба:
Ей подарили на день первых месячных чудо-мужчинку.
И всё в таком духе: бурном, почти что нордическом, грозном.
Сочиняла с цыганщиной, страстью, с наслаждением
чёрной безвинной свободой

От траханья как от работы.
Однако не стала валькирией, хоть готы её привлекали.

Мимо неё проходила другая.
Входили в метро на одной остановке,
Выходили вместе на пересадку. С людьми из её сочинений.
Две женщины эти не знали друг друга.
Молодая прикольна, старая нет.
Однако в юной башке из платины
Не зародится тех песен, которыми можно разбить скучный зал,
Взорвать топы чатов и разъегорить пространство.

Старая думала: когда в поезде малый водил по груди,
он искал кошелёк,
А попутчик, в которого поздно была влюблена,
отвернулся и спал,

Когда всего лишь уставший мужик, чей-то муж и отец,
Отшвырнул под колёса троллейбуса так, что могла бы
разрезаться надвое,
Когда множество лет все мои мужики, не желая, катали меня,
Это была лишь плата за то, что сама по себе,
за спокойствие тела и сон,
За еду без препятствий, за мелкую эту бездетность, за всё то,
Что мне нужно.

И я расплатилась ещё не сполна.
Эй, чувак, молодой ли, немолодой, подходи.
Посмотри, как бесстыдно глядят в тебя эти глаза,
Как потом уж тебе будет стыдно за кражу со взломом
Одного существа.

У меня нет ничего, нечего взять.
Я невидима, нечего скрывать.
Без указания адреса и года рождения.
Катящийся камень мхом не обрастает.

Прикольная спела свой рэп, получила бабло.
И потом нажралась, нахлобучившись без собутельника.
Она думала, что это самая горькая участь.
Быть одной. Быть всегда и во всём одной.
Одинокой.
О нет, одиночкой.

У меня нет ничего, нечего взять.
Я невидима, мне нечего скрывать,
Катящийся камень
Мхом не обрастает.

Четвёртая элегия

Договорная

мне приснилось — что развилась — как на клумбе тюльпан —
— и спрятаться некуда — от поражения — от неприятия плотного — уже не меня — а того — что люблю —
— убивают небрежностью — к предметам любви — а физически — вот наступила зима — ближе к августу — вижу седой асфальт — из ночного окна — это снег — это снег по снегу позёмкой метёт — взрывая всё мне дорогое —
— убивают — когда ждать начинаешь — грудиной — и синяками — а ожидание рушится словно американские башни —
— скоро придёт Рождество —
— голос бумагой лежит — написать бы на нём — что сказать — боль есть боль — лайф из лайф —
— когда потеряешь сознание — не проговоришься — просто нужно понять — что договориться нельзя — с человеком — можно договориться с погодой — но с человеком нельзя — и потому ты не проговоришься —
— на утреннем новом допросе —

Пятая ода

Яблоки, белый налив

Свет человеку новорождённому видится бело-зелёным,
 вовсе не чисто-белым.
 Кристально-белым с землицей, словно яблоки эти новые.
 Их весной не ждёшь, в июне они только тёмные пятна,
 мелкие шарики.
 А теперь настало их время: светиться! играть! обещать!
 Как любишь вещи в округе, так любишь грядущую жизнь.
 Не любящий яблок зелёных не годен к семейной войне
 в жизнь длиною,
 А как без неё и детей вырастить яблоки светлые эти?
 Как яблоки хороши. Как стыдливы они, воскрешают
 внутри наслажденье стыдом
 Перед ликом кудрявого мальчика с крестиком
 в нежной ключице.
 Он Эрот, он крещёный эрот, он котёнок ещё,
 Сила Преображенья ещё не снизошла в его ткани и воды,
 Он ещё поскакун и летун, его стрелки приятны и злы,
 словно маки.
 Пламенеющий маком июнь разрешился по смерти своей
 В это белое наливное буйство.
 Шли Петровки на отдых с косой, и звенела коса.
 И ещё робко дева варила из собранных на городском подворье
 Бело-зелёных плодов
 Очень густое варенье.

Пятая элегия

Оживление

Пока утро себя не узнало,
Пока зеркало ночи ещё не разбилось,
Когда «ясно» есть надпись на солнце,
В округе лишь звуков пригоршня да щепоть слова.

Что казалось недвижимым, сухим и пропащим,
Что стало давно костями (их можно найти и сложить
В трепетный хрупкий скелет).
Но ожидание больше скелета.

Туман ещё плотен, покров парника ноосферы,
Светильники звёзд чуть дрожат,
Внутри глаза большого (пресловутый космос)
Наблюдается выраженный нистагм,
Взмахи их лопастей незаметны,
Но зелёная митра того старика всё же пошевелилась.

Что будет после того, как старик наденет её, повернётся,
Когда он накроет ладонью время, лежащее окрест,
Неподвижное, обезвоженное, время с испорченной кожей?

Старик приближается,
Звуки бегут и кричат слова,
Ветер вдогонку за ними,
Кость приближается к кости.

Пробуждение смешано с ужасом.
Только что мир был уютен и тёпел.
А теперь вокруг ходят ветра.
И неизвестность,
Будут ли жилы и мясо
На только что собранных вместе костях.

Однако старик уже к митре подходит, чтобы надеть.

Радуга перед рассветом яснее,
Чем перед закатом.
Хотя
Это радуга,
Какое бы ни было время.

Шестая ода

Близость

Распознавать любовь как помешательство. Где ни идёшь,
вместе с ним.
Он сопровождает и возникает, он даже пугает. Почему снова
белый костюм?
Почему рубашка твоя из кубинского синего стала алой,
как древний песок Андалузии?
Почему снова в профиль, а профиль невыносим
мягкой и наглой линией носа.

Получать как контузию. Как маятник от близости
к девственности и наоборот.
Волосы снова считаю на руках и груди (гималайский медведь),
сбилась со счёта.
Что всё это, как не безумие? Почему настойчиво
всякая вещь предлагает позвать,
Попросить его посидеть рядом, чтобы потом вовлечь
в новый маятник тел.

Не подходи больше близко. И не уходи.
Знаю, что вызывать тебя признак плохой.
Зачем беспокоить твой внутренний улей, лишать сна и пищи,
платой швырнув
Свой голод и пару бессонных часов ожидания. Не позову.
Но ты сам приходи.
Мне нужно знать, что наденешь, какое выберешь блюдо,
знать, было ли грустно тебе.

Всё нужно, что было с тобой. Но беспокоить — о как бы мне
не беспокоить тебя!

Контузия женщины страшнее нового гриппа.

Она добирается вплавь,
Изливается во все стороны света и трясёт здания,
как в стиральной машине,
Её разрушительной весёлой власти следует всё на земле.

Цель женщины в этой земле партеногенез, и он будет достигнут.

Я контужена тоже, взрываю свои города,
перебирая одежду, как перебирают эпохи.

Пока тебя нет, цивилизация сменит другую и растает
под третьей,

Но не забывай обо мне. Иначе я потеряюсь
в контуженом вопле,

Вызывая хрупкую доверчивую твою подмогу.

Эти тонкие руки мощнее пустынных деревьев.

Этот профиль невыносим своим светом, пока ты не заговоришь.

Шестая элегия

Покупки

Так вагоны разгружают — так летят на карусели — и только треть нужна —

всё обозримое нужно — плети берёз — голуби топчутся по подоконнику —

всё и сейчас обязательно нужно купить —

на складе не осталось — закажите — отложим — не продаётся.

Да — это я продаю себя сама — с радостью — только бы деньги отдать —

вот они падают — не поднимай — а бери эти вещи — ты заплатила сполна —

и всё же должна — сколько ни плати — будет долг расти — это о покупках слово —

нужно всё и сразу — как жизнь покупать — и жалко здесь всего — особенно рыбных консервов и хлеба — наполовину соевого хлеба —

порой нет и его — но через дверь — хлебная лавка — и там сто двенадцать сортов — разного хлеба — вот это покупки!

Два пакета — я осьминог — побеспокоенный донным течением —

моя думалка так хороша и ясна — что завидую самой себе —

а пока — выдувать атмосферу из лёгких — создавать чуть подкрашенным воздухом — оживающее пространство —

где нет глухоты — слепоты — и бесчувствия — где вечное —
мама дома уже —
и потом всё уйдёт —
останутся только покупки —
часть послужит ещё очень долгое время!

Седьмая ода

Контрольно-пропускной пункт

Кирпич телесно тёпел, он составляет развалины тело,
Цветущее стволами берёз.

В небе новое открылось пространство, там сухопутный флот шёл.

Берёзы-подростки идут сквозь ржавые крыши,
они уже выше меня.

Они то стоят на цыпочках, то на коленках, подавая знаки
Находящейся на связи метагалактике.

Вот и сады пробежали мелкими стенками,
Их заменило рассветное небо,
Столбы, провода, КПП.

А после КПП начинается полоса полей и безлюдья,
Битый хрусталь жнивья, уже тронутого паутиной,
Плоское тело ещё не вкусившего праздности поля,
Мгновенные грибные дожди.

Толстые вёдра стихли, машина замерла, утомлённая, спит.
Пока склоны черники, пока чёрные грузди,
Невесть какая ещё заповедного леса чернота лезет
на руки и в рот,

Пока станет видно далеко во все концы света,
Несмотря на лес.

Лес — это город. Город говорит звуками леса, но люди не слышат.
Люди штурмуют лес, который уходит от них, не оборачиваясь.
След леса и города виден в ряях и отдельных кое-где насекомых.
А КПП уже позади и ещё впереди, маячит возвращением.

Стихии порой очеловечиваются; вода становится
 гладким юношей, огонь засыпает в старушечьем пепле.
Взаимопрорастание города и леса красивой стихий.
Эти берёзы, идущие сквозь стены и крыши, отперты,
 тонкие ворота.
Они между тем, как город сменяется лесом
 и лес внедряется в город.
Они между КПП и метгалактиками.

Я ещё не привыкла смотреть на городские деревья,
Их как будто бы здесь и быть не должно.
Яблоки густо висят, тронутые пороками роста,
 они ещё бледны и кислы,
И всё-таки есть.

Седьмая элегия

Пирамидальные тополя

Зачем лишь вас повсюду видно?

Седое влюблено в вас одиночество.

Зовёт с собою ревность вплавь по ветру.

Над вами матовое небо – Симферополь.

Желанные и ранящие ранами своими, дороги вечной паладины,

На гироскутерах своих, с опустошённым

от ненужных связей мозгом,

На скейтах и коньках, стоите вы пешком.

По всем вселенным видно только вас и небо

видно.

Идите же ко мне! – нет, не идите, и звать меня не нужно.

Я и сама развоплощусь, когда закончится срок действия плоти,

И посмотрю на вершины ваши с вашей высоты,

Я чувствую и сейчас паренье воздуха грудине поперёк,

И этот воздух видимо другой, чем на верхних этажах

случайного строения.

Там руки ваши, пряди шелестят, там не ослепляет солнце.

Страх говорил мне: не смотри на солнце, смотри на тень его.

Когда же вы пришли, то тень осиротела и засияла,

А солнце рассыпалось полуденной ниткой жемчуга.

Не свечи вы, а то, что впервые придумало свечу.

Вы – до, всегда, и после – никогда, вещей, что,

Олицетворившись, просыпались из неба.

Восьмая ода

Материнство

– Не обнять все звёзды, обратно весенние цветы не высадить, сорванного плода на ветки не вернуть.

– А дети побежали, а дети как горох.

– И матери кружится существо – там изначальный мозг, сияющая влага, исполненная бликов, с прожилками тепла, всему на свете липнет, всё обнимает.

– Когда её отрубленная голова катилась ссорой прочь от идола седого, когда едва не все проклятья шли по языку, когда вся тошнота бездарной прелести бежала прочь и улюлюкала ей вслед –

– С ней вся была любовь, и дети были, мать не бывает без детей.

– Когда родился идол, оперился сын и началась её судьбы развёрнутая стирка, а внуки и родня прошлись по ней верхом –

– С ней вся любовь вселенной оставалась.

– Она всё залатает, всё поймёт, в ущерб себе, а вся её ущербность есть слава продолженью жизни, это красота.

– Так красота и запах океана
несовместимы.

– Мать вдали почти икона.

– А вблизи кричит, что в дочери опять проснулся бес, что травит всех она химическим составом,

– И после в озарении бежать: в обитель, в монастырь, в другие веси, в другую вселенную. Но тот же океан её приносит к детям в ноги.

– То Отче наш из облака поют, то Матерь Божья в бисерном уборе пришла, на табуреточке сидит, то в кружевах звала её младенцем – что это было,

не рождённым женщиной решать. То бог ли, океан, процессы
размноженья, никто не видел, а видеосъёмки врут,
лишь ткачество, готовка, лепка, мойка –
всё в образе, а образ частью скрыт,
и пусто, и так холодно у двери этой тайны,
а мать пугает так же, как влечёт.

Восьмая элегия

Деньги

Время их прошло, а они всё звенят, хоть нет ни кошельков,
ни карманов,
Они всё шуршат, хоть нет банковских ассигнаций,
Они грузятся, электронные цифры, они растут,
человечество поднимает ставки.
Он вчера получил, сегодня потратил. Добро бы копил
на квартиру!
Ему социальный секс нужен, а где экономсекс, там нужны деньги.

Как красивы деньги, ничего нет на свете приятней
золотой горы из воздуха.
Что вдыхаешь, что испражняешь, всё пахнет конфетами
и немного металлом.
Каждый шаг говорит о них, а денег всё время жизни нет.
Они только кажутся.
Они приходят, когда захотят, и своевольно уходят,
Будто разумны они. Да, у денег есть разум и сила воли.

У денег есть петли, как у хорька или норки, они бывают
самцы и самки,
Они видят всё, что в постели с хозяином происходит,
и за столом сидят.
Не цветами осыпают победителю путь, это деньги
осыпают цветы дождём.
Леда вышла из бутика и поняла, что будет ребёнок.
Ни от молодого, ни от старого, а от денег.

Учёные открыли плазму, эфир давно открыт,
 потопа больше не будет.
 Хотя как посмотреть, наводнение денег — опасная штука.
 Вот пейзаж: море и полоска песка, и это пейзаж о деньгах.
 Вот пейзаж другой: он взял её за руку на фоне фонтана,
 и для этого нужны деньги.
 Пусть он говорит, что порой о них забывает.
 Зато они о нём помнят.

Смотрит исподлобья дом. Если высокий дом, то смотрит солидно.
 Если пятиэтажка, его называют хрущёвкой.
 Деньги созданы как стихи, талантливые, разные,
 в большом количестве,
 Им хлопают в зале, их лайкают в интернете,
 Они там, где прикольно, и там, где круто.

А что они унизительны, человек думать не хочет.
 Деньги, хлеб, любовь, семья — хлеб, семья, любовь, деньги.

Девятая ода

Отец

Когда разворочены водные хляби на сорок ночей и дней,
Когда антика смыта, а классика больше не лечит,
Когда Посейдон отступает, Зевс побеждён, а Пан умер,
Когда ни влечения, ни сухостоя, ни трепета в голой душе,
Он приходит, незванный, неожиданный и вечно далёкий,
Как будто бы вовсе его и не было никогда.

Так что же дочь или сын его, не рождены, как все люди,
а сделаны тканью и глиной,
Куклы для игл, подушки для бед, бледные тени последнего света,
Матери брошенный плод, родственники
не вспоминали столетиями,
А дети живы и сражаются, непонятно за что,
обучились стрельбе по живому.

Но отца не избыть и не уничтожить. Он всегда далеко,
Включение его в ход времён и событий имена изменяет
и задаёт направление роста.
Детям его уже по утрам не так больно
от человеческого триединства:
Бездетность, бездомность и нищета.

Всё продолжается в новом регистре.

Свободны, вечно юны, недоступны торговым победам.

А пока вокруг длится потоп, отец спит. Сон его раньше пугал.
Теперь же голубь любой городской напоминает о том,
что другие теперь имена.

Обвинение в ущербности звучит как слава таланту,
Нищета — избавленье от лишних хлопот,
А безмужнее тело — цветок жениха и невесты.

Девятая элегия

Невеста

Роза себя раскрывает, чтобы осыпаться,
чтобы сырые подошвы кроссов
Летним безоблачным днём
Запах её приобрели себе даром.

Если есть у вас пирожное голода, платье дешёвое,
рваные шлёпанцы —
Дайте всё это ей, оденьте в несвежее тело,
Плачьте над ней:
Ожидает её нечто большее смерти,
Нечто горшее смерти,
Сон, в котором не уснуть и не умереть:
Вот невесты венец и ложа её покрывало.

А пока соберите денегат на её макияж,
на фотографов и ресторан,
Купите конвертов побольше, ленты цветные и ворох букетов,
Всё это укроет её наготу,
Преждевременную старость и слабость незрелого таза,
К родам уже неспособного.

Она до помутнения ждёт, неплотным стеклом волнуется,
Мак сменяет розу в ожидании ночи.
В мышцах вспыхивает золото, напряжены
в растянутом по всему небу припадке.
Нет ничего кроме — того, что он подойдёт.

Он дверь потихоньку закрое. Он будет идти пять шагов
до объятья всю жизнь.

Потом он ударит, унизит и будет естественно прав,
Невесте мужчину не переспорить.

Но пока он ещё не мужчина. Он свет, которого можно коснуться.

Он то, что бывает пока далеко не со всеми.

Он — это он, и все буквы в слове большие, в его имени —
тоже большие,

Зрачки его окружают видимую и невидимую вселенные.

Потом на ней будут расти все поля, и леса, и сады,

и всякая прочая тварь,

Всякий гад насекомый в ней заведётся, и рыбы пойдут косяками,

Птицы восторгом поднимутся в небо из свитых в ней гнёзд.

От неё будет пахнуть розой и пахотой.

Но пока только жених. Перед тем как невеста уйдёт насовсем.

Десятая ода

Нищета

Лучший мастер единоборств, заговорённый — а кем? —
победитель.

Тоньше нет молодой комарихи
И стройнее струйки пожара.
Нищета не каждому пара,
Жало острое, голос тихий.

Венец её оперён славой не из силикона, а корона
явно не из бургер-кинга.

Нищета всегда в силах.
Ног её нет длиннее длины.

Власть её над человеком —
В трепетных жестах рук и выражении лица.
Руки слишком теплы и быстры, как будто спешат за ребёнком,
а его уже унесли.
Выражение лица не стереть нигде и ничем.
Оно как покрытое пылью зеркало.

Нищета верная и очень желанная женщина.
Нищета чрезвычайно чувственна.
Нищета как накаченная гречкой хмурая леди,
ради любовника готова на всё.
Запах её как запах земли под кустами в парке после дождя.

Нищета органичнее всего органического.

Десятая элегия

Жених

Что в нём горит: лицо и голос, волосы и тело. Что негорючее, то глазу незаметно.

Он ледяной горой, горой неледяной: лишь край заметен, корпус скрыт,
и только голос, голос.

Он то цветёт, то увядает, то приходит, когда его не ждёшь.
Звонит, когда она садится есть, когда сливает воду, когда совсем не так ждала, и туфель каблуки, и самоценность вдруг исчезла, когда она никто, не то, не та.

Он знает и об этом. Жених о том догадывается, что позабыл мужчину.

Что нет её, возлюбленной и суженой, она как бы мертва и вместе ещё не родилась.

Расплавить, вылить в форму, остудить — вот дело жениха.

А до того она ещё не знает, она ли та, что для него живёт, и ей так хочется создать себя, чтоб только для него, и лишь она ему нужна.

Но жениху никто не нужен.

Он лилия, он плещет сквозь себя, через себя, поит собой весь мир,

мир ему огромную сумму должен, и космос весь у ног его ничком.

Его дворцов древесных с вечнозелёными купами над стенами не счесть,

дворцов подземных тьмы и тьмы — сияют драгоценные тоннели, сто миллионов каменных дворцов историю планеты несут к его ногам.

Он рай и больше рая. Он плазма бытия. Он ещё не сперма.

Судьба его безумной нищенкой в конюшне спит, и лошади её плечо целуют, и сказочники косы ей плетут словами, и сказки все о ней.

Но нет ещё ни голоса в ней, ни тела, ни лица.

А он оттягивает миг плавленья, он ещё собою упоён, он в цвете лет, он змей крылатый, птичий лев, и вся его земля ухожена и радостно-безлюдна.

Одиннадцатая ода

Распорядок

Обожаемое время, когда видно становится лишнее,
 Когда больше не тяготит надобность маскировки.
 Если на дне памяти нет дискотек и танцполов,
 Будет слаще
 Танцевать во время уборки,
 Слушая всё, что в здравом уме кажется век свой отжившим ретро,
 Милой пошлостью. Но уборка не пошлость и не тайное действие,
 Вростание всего во всё и проживание всего,
 что есть в мире, за пару часов.

Действие в одном наспех взятом домишке сравнимо
 с цунами или вулканом.
 Уборка лавиной идёт по исхоженным
 до тесной привязанности улицам.
 Пространство меж пластиковыми коробами,
 заменившими мебель,
 Напоминает улицу Жовтнева,
 где грохотали жёлтые с красным вагоны,
 Было им тесно, как тесны кельи почивших давно кармелиток,
 Как улица эта тесна и шумна и ведёт кривоватой старухой
 к кофейне.
 Пространство между столом с креслами и нелепым комодом
 напоминает Арбат.

Выполаскивать тряпку, несущую животный запах вискозы, —
 Всё равно что купаться в июльском фонтане.

Старый флакон духов разыскав,
соседям назло надушить гардины и кресла.
Окна открыть, выпустить джинна своих настроений
и после, окно протерев,
Ждать стук с той стороны,
а это лишь яблоня к осени ближе созрела.

Зимой хорошо напустить влажный пар от мытья
по всему помещенью,
Разноцветными мопами-мопсами пыль от вещей отогнать.

Так великая мысленная старуха со сворой собак
превращается в фею.
Однако фея зачем этой новой луне.
Умыта она и ждёт полнолуния.

Одиннадцатая Элегия

Приготовление пищи

Стол на поминках

тело болит — как доселе оно не болело! — будто не тело — единый сустав поражённый —
сустав изумлённый — горячий — горящий — проданный за плевок — ушедшей в вечность горячке —
— нет от нитя избавления! —
— холод — один остался холод —
— а тем не менее!
— руки крепки — пакеты держать — с колбасной нарезкой и сыром —
— гоношить — гоношиться — а в доме платки — зеркала — стол и гроб — да салатники —
— благословенна закуска! —
— слёзы ведь ниоткуда идут — не из глаз — желёз нет таких — слёзы рождать —
— слёзы особого рода вода — ей омывают усопших —
— она не в колодцах и не в роднике — не в море она поселилась — не брызги знакомой реки — это мёртвых вода —
— слеза наступает внезапно — порой ни грустинки под сердцем — ни тяжести в мыслях — идущих себе ветерком — затылок свободен от жалоб — муку не чувствует шея —
— тогда на столе Иона и тыква его —
— тогда ни куска проглотить — ни выпить стопарь — ничего — будто о пище понятия нет —
— тогда слёзы становятся перед лицо — не твоё — человек — и тогда подступает усопший — в обуви прошлой своей — запахом тела — но как бы в дыму — и уже навсегда

– и тогда это радость –
*Ты накрыла – и мы будем есть – говорить – петь и читать
стихи – по-настоящему – всё как не было в скорбной юдоли –
теперь у тебя будет дверь – это я –*
– много что говорит поминавшим усопший –
– но Иона и тыква его – слёзы – ставшие перед лицо – всё
дрожание чрева – от младенчества – до последних болезней –
всё ложится на стол –
– это не пища уже – и ещё не причастие – это священная трапе-
за памяти – как слова вспоминать – числа – места – ситуации –
– встаньте ещё раз перед лицо – и тогда мне спокойно – ты
меня слышишь –
ты придёшь – и с тобою твои –
– ешьте мною и пейте – это ваше имя и тело – пока я здесь –
сумки ношу – пока намываю и плачу – пока имя моё – пока тело
моё – совершает положенный путь –
– будем вместе уже неразлучно

Двенадцатая ода

Новолетие

– Каждая вещь в ожидании. Даже предметы пищи. Они пока несъедобны.

– Ожидание чёрство и гнило – лучше и запаха его не слышать, на всю вселенную ожидание раскинуло свои крылья.

– Запах ожидания долгий-предолгий, его мантия всем велика!

– Таится он в старых, уже десять раз перемытых тарелках, в лежалой одежде и полотенцах.

– Он взял немного от соевых батончиков и от лаванды, карандашика от насекомых, которого они всё равно не боятся,

немного от старого тела,

немного он взял от младенца,

немного от женщины, которая платье примерила и решила не надевать.

– Всё это есть ожидание, неистребимо, и не будет оно исчерпано.

– Однако есть новолетие.

Детской рукой оно пишет: «Пока! Всё имеет своё завершение!»

– В эти детские надписи веришь.

– Если вывернуть «Мене. Текел. Фарес» наизнанку, как свитшот, что пришёл из стиральной машинки, можно увидеть именно это: «Всё имеет своё завершение!»

– Коды, однако, не будет.

– Любая вещь на планете Земля, включая все вещи за пределами атмосферы, беременна будущим. На то и дано новолетие.

– А пока, в лихорадке от холода,

ждать звонких колокольчиков,

венков из хвои,

мешков неоправданно красного цвета,
россыпи разноцветных фантиков с шоколадными конфетами
внутри, где лежат чернослив, курага и миндаль,
и ещё, и ещё,
и отпаривать юбки и платья,
и красить глаза непонятно зачем, и, конечно же, ждать.
– Спрятавшись от сквозняков пространства,
став безымянным рачком, черепахой,
ждать,
всё последнее время, до самой поры,
не дожидаться и пропустить.
– А наутро, умным, начитанным и поучительным мепапрохожим,
вплывь по неожиданному снегу,
скрыв пришедшие с новолетием страхи,
бежать, без оглядки,
в новое время бежать.
– Но пространство парит, распластавшись, ему нет дела до вре-
мени. Ведь о том и россыпь тонких нот из тел колокольчиков,
и венки из хвои, и шары из стёкла, и всё, чего больше не будет
уже никогда.
– Потому в каждом доме, если он дом, есть антресоль и на ней –
коробка с новогодними украшениями. Потому режут яблоки и
наливают к ним мёд.
– А пространство всё так же девственно дышит. В нём чистота
забытья.
– Мы идём из пространства ко времени. Память нас пожирает
и извергает. Что будет потом, наверное, только пророчица может
сказать. Но пророчества недолговечны, они тоже подвержены
времени.
– И всё же на новолетие время чуть ближе к пространству.

Двенадцатая элегия

Сон после болезни

– Болезнь не проходит, а только уходит на время. Или скрывается где-то. Конечно же, в теле, но откуда не видно её.

– Однако лучше проснуться с мыслью, что всё завершилось.

– Духов зови домовых, бородатых и мягких, что тапки из шерсти тебе покупали,

духов, начитанных книгами, которые долго не раскрывали, мелких мышей, они ещё перебирают крупу и в норки ещё не спешат,

насекомых зови, если же лето, бабочек полных с крыльями тёмного мако-сатина.

– Пусть говорят, что болезнь исчезает и скоро исчезнет совсем.

– Тому, кто проснулся, лучше не пить лекарства тревоги.

– Лежать и смотреть в потолок, где идут облака, в мягкий чуть пасмурный день, пахнущий хлебом и воскресеньем.

– Никуда не спешить.

– Будто есть силы подняться и преобразиться водой или пеной с лосьоном, выйти за дверь, ждать троллейбус или трамвай, доехать до нужного места, где пицца и кофе, будто всё это жизнь, а не личины её.

– Будто есть силы раскрыть передатчик и написать письмо, будто бы адрес известен и адресат несомненно ответит. Будто он внял прошлым страданиям и понял, конечно же понял, что в жизни он значит это и то, что без него жизни нет.

– Будто бы карта зарплатная тихо звенит от того, что пополнился счёт.

– Однако тому, кто проснулся перед закатом, всё это не нужно.

– Только потом, когда ломота мощно приступит и с потом слегка отойдёт, приглушённая зельем.

– Только потом, когда чай или кофе разбудят столешницу и к ним подойдёт небольшое количество пищи.

– Только потом эти чёточки станут важны. А пока только солнце и чьё-то окно. Пока только воздух и звуки за стенами. Кто-то пакет бросил прочь из окна, и это как тела упавшего звук.

– «Я» спящее много важнее «я» руководящего. Но как без него, без слепца перед строем слепых.

– И всё же «я» спящее на болезнь есть управа.

– Оно знает слова, обороты и знаки.

– «Я» ведь не только человек, мужчина и женщина, дочь или сын, мать и отец и дальше по списку.

– «Я» многочастен. Он сын и наследник, он служащий банка и преподаватель, он автор колонок и даже немного поэт.

– Он любящий и переживающий бездну над зябким прудом или пару минут ноября, когда глаза посмотрели в глаза и руки увидели руки.

– Я видящий, я говорящий, я знающий, я пробуждающий силы в себе.

– И потому население болезней спокойно за выплату пенсии.

– Болезнь может жить как угодно и долго, но солнце идёт сквозь окно или стыдливо само открывает окно, и болящий пытается встать. Но пока не торопится.

– Вещи лежат в золотом равновесии.

– Вещи лежат между грозой и туманом.

– А дождик осенний ведёт слишком тонкими пальцами, потной ладонью по струнам школьной ограды.

Содержание

<i>Игорь Караулов. О книге Наталии Черных</i>	3
Ода первая. Эрос	7
Элегия первая. Дом	9
Ода вторая. Собаки после полудня	11
Элегия вторая. Страсть и влюблённость	13
Ода третья. Пятидесятилетие	15
Элегия третья. Уничтожение	16
Ода четвёртая. Катящийся камень	18
Элегия четвёртая. Договорная	20
Ода пятая. Яблоки, белый налив	21
Элегия пятая. Оживление	22
Ода шестая. Близость	24
Элегия шестая. Покупки	26
Ода седьмая. Контрольно-пропускной пункт	28
Элегия Седьмая. Пирамидальные тополя	30
Ода восьмая. Материнство	31
Элегия восьмая. Деньги	33
Ода девятая. Отец	35
Элегия девятая. Невеста	37
Ода десятая. Нищета	39
Элегия десятая. Жених	41
Ода одиннадцатая. Распорядок	43
Элегия одиннадцатая. Приготовление пищи	45
Ода двенадцатая. Новолетие	47
Элегия двенадцатая. Сон после болезни	49

Наталья Черных. Новые оды и элегии

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

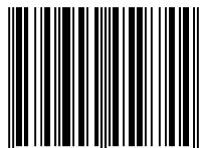
дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 23.04.2021
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 3,25.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6044597-4-4

9 785604 459744